

К.В.Цеханская

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются гражданские установки советской молодежи в годы Великой Отечественной войны. Работа раскрывает связь патриотических чувств молодого поколения с образовательной политикой государства в предшествующий период времени, в 1920-е, 30-е, 40-е гг. Особое внимание уделено анализу мотиваций, характера и форм патриотического сознания молодежи, воевавшей и на фронтах, и в партизанском подполье, и томящейся в неволе. Главный акцент статьи направлен на выявление традиционного, жертвенного архетипа ментальности советских людей, который ярко проявился в годы противостояния германскому нацизму.

Ключевые слова: цивилизационный психотип, патриотизм, жертвенность, религиозный подтекст, антропология «советскости»

Выдающийся русский философ Александр Зиновьев, воевавший на фронтах Великой Отечественной войны и в качестве летчика, и в качестве танкиста, утверждал, что основной тон в войне задавали молодые люди его поколения, рожденные в 1919—1923 гг., окончившие школу в 1937—1941 гг. «Мое поколение свою историческую роль выполнило. Ни с каким другим поколением победа была бы невозможна... хотя в войне участвовало и более старшее и более молодое поколение, общий моральный, идеологический, психологический тон задавали люди моего поколения» [1]. Известно, что во время Великой Отечественной войны самые большие потери понесли военнослужащие 1921—1923 гг. рождения [2]. Это была советская молодежь, получившая патриотическое воспитание в предвоенные годы. Их степень жертвенности, самоотречения, преданности Родине вызвала и удивление, и крайнее неприятие немцев. Так, например, в «Сообщении о политическом положении из Белоруссии» от 10.02.42 г. высокопоставленное германское чиновничество предупреждало: самая опасная возрастная категория советской молодежи — от 17 до 21 года, она «заражена» идеями патриотизма на 99%, и ее следует вычеркнуть из списков живых [3, с. 299].

Советская молодежь, родившаяся и сформировавшаяся в предвоенное время, представляла собой уникальный социо-духовный цивилизационный психотип, это было пассионарное, активное ядро общества. Не будет преувеличением сказать, что молодежь и юношество 1920-х, 30-х, начала 40-х гг. являлась органичным «социальным» продуктом советской системы и, прежде всего школы. А.Зиновьев, перефразируя слова Бисмарка, сказавшего, что при Садовой победил прусский народный учитель, также считал, что Великую Отечественную войну выиграл советский учитель [1]. Но ее выиграла, по сути, сама модель советской государственности, универсально соединившая патерналистские, идеократические, просвещенческие и традиционно-нравственные начала жизнеустройства. И все политические, социокультурные, религиозные «перехлесты» предвоенного периода, как неизбежные, сопутствующие процессы сверхускоренной модернизации, разрешила и смягчила именно советская школа. Раньше всего советская школа культурологически-корректно, без излишних кощунств переместила на периферию самосознания советского юношества вопросы религиозной Истины. Ее главное место на время занял культ просвещения, образования, науки, спорта, а главное — принцип исторического оптимизма, утверждающий дерзновенный взгляд на историю как рукотворную форму бытия. Представляется, все это было промыслительно необходимо не только для сверхускоренного, динамичного, самобытного развития страны, но просто для ее выживания и дальнейшей победы над германской агрессией.

Труден был путь страны к классической советской школе — как средней, так и высшей, ведь к началу революции $\frac{3}{4}$ населения, особенно сельского и национальных районов, не умели читать и писать. Шаги и мероприятия советской власти в образовательной политике — через первые Декреты СНК постановлений ЦК ВКП/б — представляли собой строительство невиданного в мире просвещенчески-образовательного проекта, в который были вовлечены все сословия, классы и этносы страны. Самое главное качество советского образования — это его четко обозначенный национально-традиционалистский «подтекст». В души советского юношества «вкладывались» коды, символы, установки и нравственные ценности русской культуры, доступ к которой на равных правах получили и нерусские народы СССР. Этот поток исходил из страниц русской классической литературы.

Как писал философ А.С.Панарин — юноши и девушки, усвоившие грамотность в первом поколении, стали читать Пушкина, Толстого, Достоевского, уровень, на Западе относимый к элитарному. Нация совершила прорыв к родной классике, воспользовавшись всеми возможностями нового идеологического строя: его массовыми библиотеками, массовыми тиражами книг, массовыми формами культуры, клубами и центрами самодеятельности, где «дети из народа» с достойной удивления самоуверенностью примеряли на себя костюмы байронических героев и рефлексирующих «лишних людей». После этого трудно отвечать на вопрос, кто действительно создал новую национальную общность: массово тиражируемая новая марксистская идеология или не менее тиражируемая и вдохновенно читаемая литературная классика [4, с. 142-143].

Хотелось бы отметить весьма важную деталь — в конце XIX в. изучение творчества Пушкина не входило в «Курс русской словесности». Об этом факте с возмущением вспоминал философ В.В.Розанов, упрекая русское общество в беспочвенности: «Если бы Пушкин не только изучался учеными, а вот вошел другом в наши дома, — любовно прочитывался бы, нет — трепетно переживался бы каждым русским от 15 до 23 лет, он предупредил бы и сделал невозможным разлив пошлости в литературе, печати, журнале и газете, который продолжается вот лет десять уже... Какая-то удивительно чистая кровь — почти вся суть Пушкина. И он не входит в “Курс русской словесности”, а он есть вся русская словесность» [5, с. 365-367]. Такое же возмущение вызывало у Розанова преподавание истории в царской России. В статье «Беспочвенность русской школы» философ отмечает: «...Пора нашему просвещению снять “знак раба”, который она носит на себе... Самый материал образования, с которым непосредственно соприкасается отроческий и юношеский возраст всей страны, есть также нерусский в 7/10 своего состава. То есть, незаметно и неуклонно мы переделываем саму структуру русской души “на манер иностранного”». Розанов приводит данные, что на курс русской истории, который давался в трех классах гимназии, отводилось всего-навсего 56 часов, то есть 1/320 от учебного времени восьмиклассной гимназии. Из этого исторического «провала» философ делает вывод: «На нет сводится роль исторического воспоминания в душе почти каждого образованного русского. Удивляться ли при этой постановке дела... что мы на всех поприщах духовной и общественной жизни представляем слабость национального сознания, что не имеет ни привычек русских, ни русских мыслей, и, наконец, мы просто не имеет фактического русского материала как предмета обращения для своей хотя бы и “общечеловеческой” мысли?» [5, с. 367].

О значимости темпов и качества развития СССР в 1920-е, 30-е, 40-е гг. ясно и предельно концентрировано сказал Св. Патриарх Кирилл: «Советской России не было бы, если бы не было подвига предшествующих поколений, которые в 1920-е, 30-е, 40-е гг. не просто пахали землю — хотя и это важно — но создавали промышленность, науку, оборонную мощь страны... Необходимо понять всю красоту подвига нашего народа в 1920—40 гг. <...> чтобы любить, не нужно исключать из исторической памяти ни один из исторических периодов, нужно воспринимать его здравым смыслом и незамутненным нравственным чутьем. И тогда Правда будет отделена от лжи, а Добро от зла» [6].

Этот фактический русский материал, «пробираясь» сквозь «дебри» вульгарных, левых пролетарских теорий, через бесплодную череду антирелигиозных кампаний был молниеносно восстановлен и обогащен в предвоенной системе воспитания и образования. Русский материал как предмет обращения для «своей» мысли, возрожденный в форме русского языка, литературы, поэзии, театра, кинематографа, в форме преподавания отечественной истории с 1934 г. и стал источником советского гражданского патриотизма в годы Великой Отечественной войны. Сам культурный фон 20-х, 30-х гг. был переполнен невиданными творческими энергиями, которые, несмотря на жестко-коррекционную идеологическую политику партии, охватывал все виды искусства, формируя не только художественный вкус, но и определенную шкалу ценностей. Безусловно, для «красной молодежи», детей рабочих и крестьян процесс овладения высотами культуры, школьными, а тем более университетскими знаниями был чрезвычайно труден. Но государство, отчаянно нуждавшееся в новых, своих, национальных кадрах, создало очень гибкую, продуктивную систему подготовки — через промакадемии, с/х школы, заочное и вечернее обучение в вузах и техникумах, учебные комбинаты, школы повышения квалификации, наконец, через рабфаки. К 1940 г. в РСФСР был 481 вуз. К концу 30-х гг. новое пополнение интеллигенции составило 80-90% от численности этого социального слоя. То, что эта новая советская интеллигенция, вышедшая из рабфаков, была и социально и культурно однотипна, в дальнейшем стало поводом для некоторых интеллектуалов считать ее не совсем «антропологически» соответствующей критериям «настоящей, сложной, утонченной» природы истинного интеллигента. Но это была та молодежь, благодаря которой советские танки вошли в Берлин, а советские военнослужащие водрузили красное знамя над разрушенным Рейхстагом.

Вновь обратимся к размышлениям А.Зиновьева. Философ утверждал: «Гениальным было решение Советской власти обратить первостепенное внимание на систему образования. Это стало одним из решающих факторов нашей Победы. К началу войны мы в СССР имели образовательный уровень населения выше, чем в Германии. Можно сказать, что войну выиграл советский десятиклассник. В войну потребовалось огромное количество людей с высшим образованием. Очень быстро готовили огромное число летчиков, всю авиацию укомплектовали. Буквально за 2—3 месяца мальчишки становились хорошими пехотными лейтенантами. А если бы ребята были малограмотными, они бы не смогли обучиться и летать на первоклассных машинах. То же самое с артиллерией, и с танковыми войсками. Огромное количество было занято в штабах. А ведь разведка, штабная и пропагандистская работа, — все это тоже играло огромную роль... Эту работу выполняли образованные люди, как минимум, десятиклассники. Один из факторов поражения немцев состоит в том, что у них был дефицит офицеров. У нас его не было» [7].

Представляется, другим, более масштабным фактором Великой Победы, был феномен «советского патриотизма». В наше время в истоках советского патриотизма пытаются найти некий отвлеченно-возвышенный смысл. Мол советский народ защищал Родину, но не строй. В действительности, и «рабфаковская» молодежь, и советская интеллигенция, поднимающие советскую науку, в том числе и в годы войны, и рабочие, и крестьяне, ставшие участниками сверхускоренной модернизации страны, получившие доступ к образованию, к движению по социальным лифтам вверх, составившие монолитный костяк Красной

Армии, — все они в своем подавляющем большинстве были готовы жертвенно защищать не просто Родину, но и сложившуюся государственную систему власти, которая воспринималась как **своя власть**. Эту особенность ментальности советского народа отметил английский журналист А.Верг, находившийся в Москве с 3 июля 1941 г.: «... в этой народной войне люди сражались также за свою, советскую власть» [8, с. 118].

Социализм, в той форме, в какой он осуществлялся на разных этапах советской истории — отдельная, **инновационная** тема современной истории. В данной теме не все так просто, однозначно и приземленно. Она требует антропологически честного и открытого взгляда на сложные константы социо-духовного самосознания советского человека. Кратко лишь отметим следующее. «Коммунизм», «социализм», марксизм-ленинизм», «светлое будущее» и пр., принимались советским социумом как важный символический атрибут советского жизнеустройства, идеологический щит, делающий страну неуязвимой перед внешними геополитическими угрозами. И когда советские граждане в приподнятом настроении массово выходили на демонстрации с плакатами основателей и вождей государства, то по своей сути, это была настоящая, а не формальная акция солидарности общества с властью, которая, как мы только сейчас начинаем понимать, — делала все возможное, чтобы защитить страну и улучшить жизнь народа. Именно этот идеал лучшей, мирной, спокойной, устремленной в будущее жизни, и хотел защитить солдат М.Ф.Черкасов, написавший из окопов своей матери: «Мама, я вступил в партию, мама, помолись за меня Богу!» [9, с. 86].

И другие воины, офицеры, комсомольцы Красной Армии, ставшие членами партии во время боевых действий, а зачастую накануне своей гибели, воспринимали свой поступок как почти сакральную форму служения Отечеству, обладающую высшими смыслами. В окопах, на танках, в самолетах, на передовой эти «новоявленные» коммунисты ставили знак равенства между понятиями Родина и коммунизм. И это не пустые слова, не банальная «агитка». Особенно ясно и даже зачастую эпически-торжественно этот мотив пронзительной любви к **Советской Родине** звучит в предсмертных записках и прощальных обращений молодых героев войны. Вчитаемся в тексты некоторых из этих посланий...

— 24-летний боец I Латышского Добровольческого полка Б.Лурье: «Я умираю за Родину, за коммунизм. Жалко умирать в 24 года, но в настоящей борьбе, где на весах истории всего человечества ставятся миллионы жизней, я свою также отдаю, зная, что будущие поколения и вы, оставшиеся в живых, будете нас чтить, вспоминать, как освободителей мира от ужасной чумы».

— Матрос-пулеметчик, комсомолец А.Калужный: «Родина моя! Земля русская! Я, сын ленинского комсомола, его воспитанник, дрался так, как подсказывало мне сердце. Я умираю, но знаю, что мы победим... Клятву воина я сдержал».

— Красноармеец С.Волков, из завещания: «Дорогие братья по оружию! Если погибну в этом бою, называйте меня коммунистом...»

— Сержант — комсомолец Я.Бондарь, письмо в парторганизацию накануне гибели в бою: «Я люблю свою Родину и готов отдать жизнь за нее. Я знаю одно: скоро фашистские звери будут уничтожены и советские люди заживут счастливее, чем прежде. Прошу считать меня коммунистом».

— Ялтинская подпольщица, комсомолка Н. Лисанова, стихотворение, написанное перед казнью:

Умру я свободно и честно. И голову тихо склоню.

И русскую землю родную я светлой слезой оболью.

Тогда надо мной защебечут родные мои соловьи.

И кудри мои разовьются, но плечи не дрогнут мои.

Я сильно любила Отчизну, и век ей была я верна...

— Комсомолка Е., записка из гестаповских застенков Полтавы перед смертью: «...Сегодня меня расстреляют за то, что я не могу идти против своей совести, за то, что я комсомолка. Я не боюсь умирать и умру спокойно...»

— Комсомолка-партизанка В.Поршнева, послание матери из немецких застенков Калининской области: «Завтра я умру, мама. Ты прожила 50 лет, а я лишь 24. Мне хочется жить. Ведь я так мало сделала. Хочется жить, чтобы громить ненавистных фашистов. Они издевались надо мной, но я ничего не сказала... Не плачь, мама! Я умираю зная, что все отдавала победе. За народ умереть не страшно. Наша победа недалеко!».

— Подпольщица Паша Савельева, заживо сожженная фашистами в Луцкой тюрьме, прощальная надпись на тюремной стене: «Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено, ни рук, ни ног. Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы... Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай. Твоя Паша» [10].

Жертвенное мученичество за ближнего, за народ, за други своя претерпело огромное количество «красных мучеников», среди них много молодых и просто юных героев. Их духовно-нравственное состояние перед лицом страданий и смерти напоминало смиренно-дерзновенную силу религиозного стоицизма, свойственную лишь мученикам за веру. Но значение подвига крещеной, но так и не успевшей воцерковиться советской молодежи, умирающей за Родину, за светлое, справедливое будущее своего народа, представляется тем более ценным и драматичным, что эти героини перед гибелью были лишены упования на жизнь вечную, упования, которым перед лицом смерти держится и утешается каждая верующая душа. Если за гранью бытия нет ничего, то какую же огромную значимость приобретает сама жизнь, особенно жизнь в расцвете молодости, мечтаний и надежд. Именно свою молодую, неповторимую, единственную жизнь отдавали «красные мученики», отодвигая в глубину сознания тот факт, что возможно, за пределами бытия их ждет ничто, пустота.

В контексте смертельного противостояния с врагом этот факт уже не имел значения как всепоглощающая, безысходно-трагическая данность. И все же и сам стоицизм советских героев, и их вера в светлое будущее Родины носили очевидный религиозный характер. В качестве сакрального объекта поклонения выступала Отчизна, причем Отчизна в ее советской, динамичной, развивающейся, устремленной в будущее и одновременно традиционно-сакрализованной форме. В качестве феномена бессмертия — вечная память и благодарность потомков.

Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

1. Александр Зиновьев. Моя эпоха: о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. [Электр. ресурс]. URL: <http://polity/article/2005/06/23/epoha/> (дата обращения: 18.08.20).
2. Последний военный призыв [Электр. ресурс]. http://ru.wikipedia.org/wiki/Последний_военный_призыв (дата обращения: 18.08.20).
3. Фронт за линией фронта. На земле обреченных // История России. Советское общество. 1917—1991. М.: ТЕРРА, 1997. 455 с.
4. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: АЛГОРИТМ Эксмо, 2006. 350 с.
5. Розанов В.В. Сумерки просвещения. М.: Педагогика, 1990. 620 с.
6. Приветствие Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла на выставке-форуме «Православная Русь. Моя история. XX век. 1914—1945. От великих потрясений к Великой Победе». 4 ноября 2015 [Электр. ресурс] // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: www.patriarchia.ru/db/text/426139.htm/15.06.19 (дата обращения: 18.08.20).
7. Александр Зиновьев. Война длиною в жизнь [Электр. ресурс]. URL: <http://www.mosqu.ru/nauchnaya/interviews/Zinoviev/iphras.ru/page/147947784.htm> (дата обращения: 18.08.20).
8. Земсков В.Н. Сталин и народ. Почему не было восстания. М.: Родина, 2018. 240 с.
9. Победоносцев П. Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников. М.: Книжный Мир, 2012. 143 с.
10. Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941—1945) [Электр. ресурс]. URL: <http://www.Historic.ru/books/item/f00/s00/z0000164/index.shtml> (дата обращения: 18.08.20).

References

1. Aleksandr Zinov'ev. Moya epokha: o Velikoy Otechestvennoy voyne 1941—1945 gg. [Alexander Zinoviev. My epoch: about the Great Patriotic War of 1941—1945]. Available at: <http://polity/article/2005/06/23/epoha/> (accessed: 18.08.20).
2. Posledniy voennyy prizyv [The last WWII draft]. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Последний_военный_призыв (accessed: 18.08.20).
3. Front za liniey fronta. Na zemle obrechennykh [The front behind the front line. On the doomed land]. Istoriya Rossii. Sovetskoye obshchestvo. 1917—1991. Moscow, 1997. 455 p.
4. Panarin A.S. Narod bez elity [People without Elites]. Moscow, 2006. 350 p.
5. Rozanov V.V. Sumerki prosveshcheniya [Twilight of Enlightenment]. Moscow, 1990. 620 p.
6. Privetstvie Svyateyshego Patriarkha Moskovskogo i Vseya Rusi Kirilla na vystavke-forume "Pravoslavnyaya Rus'. Moya istoriya. XX vek. 1914—1945. Ot velikikh potryaseniy k Velikoy Pobede". 4 noyabrya 2015 [Greeting of His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Russia at the exhibition-forum "Orthodox Russia. My history. The twentieth century. 1914-1945. From the great shock to the Great Victory". November 4, 2015]. Russkaya Pravoslavnyaya Tserkov'. Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo Patriarkhata. Available at: www.patriarchia.ru/db/text/426139.htm/15.06.19 (accessed: 18.08.20).
7. Aleksandr Zinov'ev. Voyna dlinoyu v zhizn' [Life long war]. Available at: <http://www.mosqu.ru/nauchnaya/interviews/Zinoviev/iphras.ru/page/147947784.htm> (accessed: 18.08.20).
8. Zemskov V.N. Stalin i narod. Pochemu ne bylo vosstaniya [Stalin and people. Why there was no uprising]. Moscow, 2018. 240 p.
9. Pobedonoscev P. Stalin i Tserkov' glazami sovremennikov: patriarkhov, svyatykh, svyashchennikov [Stalin and the Church through the eyes of contemporaries: patriarchs, saints, priests]. Moscow, 2012. 143 p.
10. Govoryat pogibshie geroi. Predsmertnye pis'ma sovet'skikh bor'tsov protiv nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov (1941—1945) [The dead heroes speak. Pre-mortem letters of the Soviet fighters against the Nazi invaders (1941—1945)]. Available at: <http://www.Historic.ru/books/item/f00/s00/z0000164/index.shtml> (accessed: 18.08.20).

Tsekhanskaya K.V. Soviet Youth during the Great Patriotic War. The article deals with the civil attitudes of the Soviet youth during the Great Patriotic War. The work reveals the connection of the patriotic feelings of the young generation with the educational policy of the state in the 1920s, 30s, 40s. Special attention is paid to the analysis of the motivations, nature, and forms of patriotic manifestation of young people who fought both on the fronts and in the partisan underground, and were in captivity. The main focus of the article is on identifying the traditional, sacrificial archetype of the mentality of the Soviet people, which was clearly manifested during the years of opposition to German Nazism.

Keywords: civilizational psychotype, patriotism, sacrifice, religious implication, anthropology of "Sovietness".

Сведения об авторе. Кира Владимировна Цеханская — доктор исторических наук (07.00.07 — этнография, этнология и антропология), ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; ORCID: 000-0001-9719-4304; kirilla2011@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.02.2021. Принята к публикации 15.03.2021.

Ссылка на эту статью: Цеханская К.В. Советская молодежь в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3(36). С. 347-350. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).347-350

For citation: Tsekhanskaya K.V. Soviet Youth during the Great Patriotic War. *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 3(36), pp. 347-350. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).347-350